

ранним утром 8 мая мы видели, как немецкие солдаты влავь переплывают реку. Стояла тишина. Светило круглое солнце, росла зеленая трава. И было такое счастье, что мы остались живы. Мы сняли вонючие сапоги с портянками и валялись на берегу Эльбы вместе с лошадьми. Я потом даже написал сценарий об этом и назвал его «Оглушенные тишиной», но Марлен и Гриша Бакланов намного меня опередили, сняв «Был месяц май».

Нам казалось, что после такой страшной войны, таких жертв мы поженимся, у нас будут дети и начнется такая райская жизнь, такое чудо... Много спустя я впервые привез маленького сына в Москву, мы шли мимо Елисеевского магазина, он увидел в окнах эти люстры, эту лепнину, в витринах лежали апельсины и яблоки, и он спросил: «Папа, это и есть рай?» Наверное, что-то подобное и мы тогда воображали.

Но оказалось по-другому. Зимой 46-го нас ночью по тревоге подняли грузить материальную часть, и мы видели, как солдатики грузили нашим полковникам, генералам и прочим командирам машины, роили, ковры, картины... Уже тогда эта ржа начала разъедать армию. А нас бросили в снег под Кострому, в печально знаменитые «песочные лагеря», где были землянки на тысячу, на полторы тысячи человек и где всю войну готовили пушечное мясо, потому что солдатиков там учили десять дней и тут же бросали на фронт. Десять дней, живя в снегу, мы ремонтировали эти землянки, в которых не было ни потолка, ни пола, ничего. И так началась наша мирная жизнь на родине.

Я не так уж много воевал. На фронт я попал в июне 44-го. Я закончил Саратовское военно-пехотное училище, где лейтенантов готовили в течение шести месяцев. Но на пятом месяце учебы наш взвод из всего училища в три тысячи курсантов послали пилить дрова под Хвалыньск для Поволжского военного округа. Сухой паек мы съели за неделю и весь июнь кормили кабаниху, воровали огороды, сильно голодали, а когда вернулись, оказалось, что за несколько дней до этого все училище подняли по тревоге и отправили на Курскую дугу. И я больше никогда ни одного человека из этого набора не

встретил. А взвод наш было некуда девать, нам дали младших сержантов, и мы проучились еще шесть месяцев с другим набором.

О войне я мог бы рассказывать страшнейшие вещи, столько видел там крови, жертв и несправедливости. Но если вы видели мои фильмы, то знаете, что вспоминаются почему-то светлые истории. И то, что было в «Военно-полевом романе», было на самом деле. Нам было по 18-19 лет, мы стояли на Висле, готовясь к наступлению, где-то в час ночи приезжала кухня, мы повзводно отправлялись с передовой в эту ложину за перловой кашей, куском хлеба и сахара, и однажды услышали, как в землянке комбата играл патефон и смеялась женщина. И стали приходить туда слушать. Потом началось наступление, комбата убило, женщина исчезла. А зимой 50-го, будучи студентом первого курса ВГИКа, проходя мимо ЦУМа, я услышал в этой жуткой толчее тот самый жен-

ский смех. И увидел эту красивую женщину, фронтovou, недосыгаемую для нас королеву – в телогрейке и ватных брюках, она курила папиросу, призывая покупать пирожки, а рядом сидела девчужка, замотанная в лохмотья. И я долго стоял и думал тогда, что же с этой женщиной сделала война...

Петр Тодоровский

В ЭТИ МАЙСКИЕ дни я вспоминаю тот май 45-го, когда наша 47-я стрелковая «лесисто-болотистая» вышла с тяжелыми боями к Эльбе, где на нашем участке был мост, по которому немцы до последних минут переправляли документацию, родственников на тот берег, к американцам. И